

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ КАРТИНЫ
МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛИЙСКИХ
ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ)**

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по специальности подготовки
45.05.01 Перевод и переводоведение
очной формы обучения, группы 04001317
Ушакова Алексея Сергеевича

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации
Дехнич О.В.

Рецензент

БЕЛГОРОД 2018

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Политический дискурс как обособленная языковая система.....	7
1.1 Общая характеристика политического дискурса.....	7
1.2 Структура и системообразующие признаки дискурса системообразующие признаки.....	23
Выводы по главе I.....	31
Глава II. Языковые механизмы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе.....	33
2.1 Семантические приемы реализации манипулятивного воздействия.....	33
2.2 Метафора как один из механизмов воздействия в политической коммуникации.....	40
Выводы по главе II.....	63
Заключение.....	65
Список использованной литературы.....	68

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая выпускная квалификационная работа посвящена рассмотрению лингвистических способов моделирования картины мира на примере политического дискурса.

Политический дискурс – это та неотъемлимая часть повседневной жизни граждан каждой страны, которая существует с момента зарождения первобытных общин. Как нам всем хорошо известно, борьба за власть является неотъемлимой частью политической деятельности. Чем более открыта и демократична жизнь общества, тем больше внимания уделяется языку политики. Развитие политического дискурса началось с момента возникновения первобытной общины, а именно с того момента когда люди для выживания начинали объединяться друг с другом в маленькие общины, и уже тогда пусть даже и в примитивном виде начиналась борьба за власть и лидеру общины приходилось завоевывать доверие своих подчиненных. Однако политический дискурс получил должное внимание общественности только в последние десятилетия, когда у ученых лингвистов хватило данных для пристального исследования данного явления. Если на Западе проблемы языка и власти, языка и идеологии, языкового манипулирования, роли мифа в политической коммуникации и др. находились в фокусе исследовательского интереса достаточно давно – примерно с послевоенных лет, то в нашей стране лингвисты стали активно разрабатывать эту проблематику преимущественно с начала перестройки, когда политическая коммуникация перестала носить сугубо ритуальный характер.

В исследованиях отечественных лингвистов раскрывается специфика и дается анализ политического дискурса, проводимого во времена тоталитарного прошлого нашей страны, а также рассматриваются изменения в языковой культуре политического дискурса связанной со сменой политического режима. На повестку дня выходят вопросы теоретического

моделирования политического дискурса – выявление механизмов порождения и функционирования политических текстов, анализ политических метафор как способа осмысления мира политики, характеристика речевого поведения политика изучение вербальных и риторических стратегий в политической деятельности.

Актуальность данного исследования высока, так как политический дискурс выделяется среди остальных типов общения, в связи с тем, что для политического дискурса характерна высокая доля манипулятивной составляющей, и поэтому выявление новых приемов и способов манипулятивного воздействия на сознание слушателя представляется актуальным в связи с постоянным усложнением методов манипулятивного воздействия на слушателя из-за повышения общей грамотности населения. Данная область исследования актуальна как для политических деятелей, так и для ученых политологов, лингвистов и широкого круга населения в целом.

Актуальность данной работы связана со значительным усложнением в области политического дискурса, а также с повсеместным распространением данного явления в широких кругах общественности, что требует более детального рассмотрения и анализа данного явления, а также разработки и усовершенствования новых методов по изучению политического дискурса.

Объектом исследования являются речи известных американских и британских политиков.

Предметом исследования являются используемые политическими деятелями лексические средства манипулятивные воздействия.

Целью данной работы является выявление основных языковых средств манипулятивного воздействия в политическом дискурсе. Для выполнения поставленной цели, необходимо решить следующие задачи:

1. Установить содержание и границы политического дискурса;
2. Определить функции политического дискурса;
3. Выявить конститутивные признаки политического дискурса;

4. Раскрыть содержание базовых концептов политического дискурса;
5. Установить закономерности категоризации мира политики в знаках политического дискурса;
6. Раскрыть интенциональные характеристики политического дискурса; описать жанровое пространство политического дискурса.

Для решения поставленных задач использовались следующие **методы** исследования: описательный метод, метод теоретического анализа и синтеза, метод классификации, метод концептуального анализа.

Теоритической базой для настоящего исследования послужили научные работы таких отечественных и зарубежных ученых как: Абельсон Р. П., Алексеева И. Ю., Герасименко Н.А., Вебер М., Базылев В. Я., Шелестюк Е.В., Бессонов Б. Я.

Материалом настоящего исследования послужили речи известных зарубежных политиков, как действующих, так и отошедших от дел.

Результаты исследования представляют ценность в теоретическом плане, поскольку они могут быть использованы для дальнейшего изучения и усовершенствования методики изучения политического дискурса.

Практическое значение работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в практическом курсе интерпретации политических текстов масс-медиа на иностранном языке, а также могут быть полезны специалистам в области политической коммуникации.

Выводы и положения данной дипломной работы могут быть использованы в написании статей, курсовых и других работ, посвященных проблемам манипулятивного воздействия в политическом дискурсе.

Структура работы. Данная выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

Во введении формулируются цели, задачи, методы исследования; обосновывается актуальность выбранной темы; отмечается теоритическая и

практическая значимость результатов, приводятся положения, выносимые на защиту.

Первая глава “Политический дискурс как обособленная языковая система” определяет его границы и содержание, системообразующие признаки и функции, а также дается описание разновидностей дискурса, которые непосредственно взаимодействуют с политическим дискурсом.

Вторая глава посвящена семантическим приемам реализации манипулятивного воздействия и метафоре, как одному из наиболее используемых механизмов воздействия в политической коммуникации. В ней приведены речи известных политических деятелей как действующих, так и отошедших от дел.

В заключении подводятся итоги исследования, формируются окончательные выводы по рассматриваемой теме.

Библиография содержит работы зарубежных и отечественных авторов в области лексикологии, стилистики, политологии. Также приводится перечень использованных в ходе работы источников.

ГЛАВА I. Политический дискурс как обособленная языковая система

1.1 Общая характеристика политического дискурса

Дискурс (фр. discours, англ. discourse, от лат. discursus 'бегание взад-вперед; движение, круговорот; беседа, разговор'), речь, процесс языковой деятельности; способ говорения. Термин, который сочетает в себе разные значения в области гуманитарных наук, под предметом которых прямо или косвенно предполагается исследование функционирования языка, – лингвистики, семиотики, литературоведения, философии, социологии, антропологии и этнологии. В настоящее время в лингвистике дискурс может подразумевать почти всё, что угодно ученому. Данное понятие необыкновенно популярно, так как понятие дискурса так же расплывчато, как понятия социума, языка, идеологии. Как нам известно, зачастую наиболее расплывчатые и с трудом поддающиеся определению понятия становятся наиболее популярными. Дискурс — одно из них. По словам У. Чейфа, дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям. Однако существует возможность выделения трех главных классов употребления данного термина, соотносящихся с различными национальными традициями и работами некоторых авторов.

В первом классе можно выделить само лингвистическое использование данного термина. Американский ученый З. Харрис впервые использовал этот термин своей работе «Дискурс-анализ», которая была опубликована в 1952. Вскоре, через два десятилетия, данный термин стал широко употребляться в лингвистике. Само по себе лингвистическое использование термина «дискурс» сами по себе довольно разнообразно, однако в общих чертах за ним наблюдаются попытки уточнения и развития традиционных понятий текста, диалога и речи в целом. Отдаление от понятия «речь» к

понятию «дискурс» обусловлен стремлением ввести в классическое противопоставление языка и речи по Ф. де Соссюру некое третье понятие – нечто парадоксальное и «более речевое», нежели сама речь, и одновременно – более поддающееся исследованию при помощи традиционных лингвистических методов, более формальное и тем самым «более языковое». Под дискурсом, с одной стороны, понимается сама речь, вписанная в коммуникативную ситуацию. Отгалкиваясь от этого, речевая деятельность человека менее отчетливо выражена как категория. «Дискурс – это речь, погруженная в жизнь», - выразилась в одной из своих работ Н.Д. Арутюнова. Реальная практика дискурсивного анализа в настоящее время, с другой стороны, тесно граничит с исследованием закономерностей движения потоков информации в рамках коммуникативной ситуации, который осуществляется, прежде всего, посредством обмена репликами; тем самым реально описывая некоторую структуру диалогового взаимодействия, что продолжает вполне структуралистскую (обычно не называемую таковой) линию, начало которой как раз и заложил Харрис. Тем не менее, стоит отметить, что подчеркивается динамика дискурса, которая осуществляется для различия значения дискурса и традиционного представления о тексте как структуре в статике. Первый класс пониманий термина «дискурс» распространен главным образом в научной традиции английского языка, к которой относятся ученые из стран континентальной Европы; тем не менее за рамками этой традиции о дискурсе как «третьем члене» оппозиции Соссюра давно уже высказывался бельгийский лингвист Э. Бюиссанс, а французский ученый Э. Бенвенист последовательно употреблял вместо термина «речь» (parole) термин «дискурс» (discours).

Второй класс употреблений термина «дискурс», в недавнее время вышедший за рубежи лингвистики и ставший используемым в публицистике, ссылается на французских структуралистов и постструктуралистов, и особенно на М. Фуко, однако в обосновании этих употреблений одну из

главных ролей сыграли также Ж. Деррида, А. Греймас, Ю. Кристева; через некоторое время данное понимание было отчасти модифицировано М. Пешё и т.д. За этим употреблением скрывается стремление к уточнению понятий традиционного стиля (в том самом масштабном значении, которое имеют в виду, замечая «стиль – это человек») и индивидуального языка (ср. традиционные выражения в стиле Достоевского, лирика Пушкина или язык большевизма с употреблением звучащих выражений в более современном стиле, как русский политический дискурс настоящего времени или дискурс Рональда Рейгана). В данном случае термин «дискурс» (а также, использовавшееся Фуко, его производное и часто заменяющее понятие «дискурсивные практики») описывает способ произнесения речи. Самое главное, что он дает определение – *какой* или *чей* дискурс, так как ученых интересует не дискурс в общем, а его конкретные разновидности, задаваемые широким спектром параметров: чисто лингвистически отличительными чертами (т.е. мера их идентификации), спецификой стилистики (определяемой количественными тенденциями в употреблении языковых средств), кроме того, спецификой тематики, способов рассуждения, систем убеждений, и т.д. Можно говорить о том, что дискурс в данном понятии – это специфика стилистики и идеология, стоящая за ней. Кроме того, стоит учитывать, что способ выражения мыслей во многом предопределяет и создает саму предметную сферу дискурса, а также социальные институты, соответствующие ей. Данное понимание также является в сильнейшей степени социологическим. По сути дела, определение дискурса *какой* или *чей* может рассматриваться как указание на коммуникативную уникальность субъекта социального действия. Стоит добавить, что данный субъект может быть как конкретным, так и групповым или же абстрактным. К примеру, выражение «дискурс насилия», подразумевают не столько то, как говорят о насилии, сколько то, как абстрактный социальный объект «насилие»

проявляет себя в коммуникативных формах. Это вполне соответствует традиционным выражениям – «язык насилия».

Также существует и третье употребление понятия «дискурс», которое напрямую связано с именем немецкого философа и социолога Ю. Хабермаса. Термин можно считать видовым по отношению к предыдущему пониманию. Стоит отметить, что он имеет определенную специфику. В данном случае третье понимание «дискурса» используется для особого, так называемого идеального вида коммуникации, осуществляемого в максимально возможном отстранении от реальности общества, авторитета, традиций и коммуникативной рутины. Подобный вид коммуникации имеет цель критического обсуждения и обоснования взглядов и действий участников коммуникации. Но также существует и второе понимание - «дискурс рациональности». В данном случае понятие «дискурс» имеет отсылку к методу Р. Декарта (в оригинале – «Discours de la méthode», в переводе «дискурс метода») основополагающему тексту научного рационализма. Как говорилось выше, понятие «дискурс», в современной лингвистике, схож с понятием «текст». «Как правило, выделяют только вербальную составляющую коммуникативного действия и говорят о ней далее как о “тексте” или “разговоре”. В этом смысле термин дискурс обозначает завершенный или продолжающийся “продукт” коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами. Т.е. дискурс в самом общем понимании – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия» (Дейк, 1989: 46). Понятие дискурса и понятие «диалог» находятся почти на одном уровне. Как и любое коммуникативное действие, дискурс, может быть письменным, речевым, иметь вербальные и невербальные компоненты. Он представляет собой две фундаментальные роли – коммуникатора (автора) и реципиента. Стоит отметить, что эти роли могут перераспределяться между говорящим и адресатом в дискурсе; в этом случае принято говорят о диалоге. Когда на

протяжении всего дискурса коммуникатор говорит один, то процесс уже называется монологом. Но и при монологичной речи необходим реципиент. В точности, монолог – это просто особый вид диалога, однако традиционно диалог и монолог резко противопоставляются. Типичные примеры – обычный разговор с приятелем, диалог между врачом и пациентом, чтение статьи. Необходимо отметить, что понятия «текст» и «диалог» как более традиционные набрали достаточно большое количество коннотаций, которые препятствуют их свободному употреблению. Поэтому понятие «дискурс» удобно использовать как родовой термин, который объединяет все виды использования языка. Иные же исследовательские направления и результаты более традиционного понятия «текст» и «диалог» можно найти в соответствующих статьях. Однако в данной работе рассматриваются наиболее актуальные вопросы. Так как система дискурса предполагает наличие двух основных абсолютно разных ролей – коммуникатора и реципиента, потому что сам процесс общения при помощи языка можно рассматривать в этих двух направлениях. Моделирование процессов построения (порождения, синтеза) дискурса – не является равным моделированию процессов понимания (анализа) дискурса. В лингвистике выделяют два отличающихся типа работ: исследующие построение дискурса (к примеру, выбор лексического средства при назывании какого-либо объекта) и исследующие понимание дискурса реципиентом (к примеру, вопрос о том, как адресат воспринимает редуцированные лексические средства наподобие местоимения, адресат и соотносит их с теми или иными объектами). Помимо этого, есть еще третья категория – рассмотрение процесса языкового общения с точки зрения самого текста, возникшего во время дискурса (к примеру, местоимения в тексте можно рассмотреть как структурные сущности, которые находятся в некоторых отношениях с другими частями текста, не имеющих отношения к процессам их порождения говорящим и понимания адресатом).

Междисциплинарное направление, которое изучает дискурс и соответствующий раздел лингвистики, именуют одинаково – дискурсивным анализом (discourse analysis) или дискурсивными исследованиями (discourse studies). Однако языковое взаимодействие весьма долгий период времени было предметом таких дисциплин, как ораторское искусство и риторика, а вскоре – стилистики и литературоведения. Собственно научным направлением дискурсивный анализ сформировался лишь недавно. Это случилось на фоне главенствовавшей в лингвистике на протяжении большей части прошлого века противоположной тенденции – борьбы за «очищение» науки о языке от изучения речи. Ф. де Соссюр полагал, что истинный объект лингвистики – языковая система, а не речь, Н. Хомский настаивал на изучении языковой «компетенции» и абстрагировании от вопросов употребления языка. Совсем недавно познавательные базисы в науке о языке начали меняться и набирать силу, в соответствии с которой никакие языковые явления не понимаются и не описываются адекватно вне их употребления, не учитывая их дискурсивные аспекты. Именно поэтому дискурсивный анализ стал одним из центральных разделов лингвистики.

Термин «дискурс» употребляется для обозначения одного или другого жанра, к примеру: «новостной дискурс», «политический дискурс», «научный дискурс». Говоря о частных различиях, важно упомянуть, что они описываются с помощью понятия «жанр». Данное понятие первоначально использовалось в литературоведении для различения таких видов литературных произведений, как повесть, роман, новелла, эссе и т.п. Сейчас же понятие жанра используется в дискурсивном анализе достаточно широко.

Данная работа рассматривает и изучение жанр политического дискурса, рассмотрение точки соприкосновения политического дискурса с иными разновидностями общения. Юридический дискурс пересекается с политическим в сфере государственного законодательства. Цель юридического дискурса – определение правовых норм и регулирование

правоотношений между гражданами или между гражданами и государством. Основная особенность государственной власти несомненно заключается в обладании государством монополией на легитимное насилие. Конституции, нормативно-правовые акты, кодексы, законы, указы, правительственные постановления, административные решения и т.д. являются средствами реализации власти. Поэтому их относят к сфере политического дискурса. Тексты конституций и законов являются продуктом дискурсивной деятельности законотворчества как политиков, так и юристов. После принятия закона и его становления как правовой нормы, контроль над его соблюдением становится объектом юридического дискурса, хотя и в данном случае политический агент-законодатель остается имплицитным участником юридического процесса. По словам Т.В. Губаевой, в процессе судебного разбирательства «диалоговое взаимодействие позиций обвинения и защиты регулируется третьим собеседником – законодателем, воля которого закреплена в правовых нормах ...» (Вершинина, 2001). Целью научного дискурса является отстаивание своей точки зрения посредством познания окружающего мира, а конститутивный признак научных текстов – наличие элемента полемики. Результаты научных исследований ученых-политологов среди таких жанров как научная статья, доклад, монография, выступление в дискуссии и пр., не имеют непосредственной связи с борьбой за власть, однако на этой основе возможно составление рекомендаций политикам по планированию и коррекции их деятельности. Не случайно политологи часто привлекаются в качестве консультантов к ведущим политикам. По мнению Р. Джослин, политологов можно сравнить с журналистами, потому что эти люди как бы реконструируют политическую реальность для своих аудиторий сообразно своему видению политических процессов. Жанр выступления политолога по телевидению отличается от научной статьи или аналитической газетной статьи, или доклада на конференции, прежде всего, уровнем подготовки аудитории и требованием доступного для неспециалистов

изложения материала. В дискурсе масс-медиа журналисты выступают в роли посредников между политиками-профессионалами и массовой аудиторией, которая является непрофессионалами. Так как население отделено от правительства и не может непосредственно наблюдать процесс принятия решений, которые касаются жизни социума, журналисты, «повествующие» народу о политике и политических деятелях, являются своеобразными «агентами влияния». Это и способствует формированию общественного мнения. Одна из главных особенностей современной политической жизни заключается в том, что политические деятели все реже общаются с населением напрямую, выступая в залах и на площадях, и все чаще делают это посредством СМИ. Как выступление политика в печати, по радио или телевидению можно рассматривать в качестве жанра дискурса масс-медиа? Полагается, что в минимальной мере, так как СМИ в данном случае лишь выполняют роль технического средства, которое обеспечивает связь с широкими массами разобщенной аудитории, а роль журналиста как участника дискурса практически отсутствует (именно в монологическом выступлении политического деятеля, а не интервью или ток-шоу). Единственным источником дополнительной имплицитной информации, которая накладывается на собственно политическую речь, может стать выбор печатного издания, телеканала или радиостанции. Так как зрители, зачастую осведомлены о политической ориентации, взглядах и предпочтениях того или иного органа СМИ, то это обобщенное знание прецедентных текстов, ассоциируется с данной газетой или телеканалом и выступает в качестве так называемого сверткста, в какой-то степени имеющего влияние на характер восприятия реципиентами речи говорящего. В итоге, отталкиваясь от подхода к определению границ политического дискурса, изложенного выше, любой материал в СМИ, повествующем о политике, автором которого является политик или, наоборот, адресованный политику, следует отнести к категории политического дискурса. Главной задачей педагогического

дискурса является социализация личности. Под политической социализацией понимается процесс освоения отдельным человеком как членом определенного общества и гражданином государства основных элементов соответствующей политической культуры (Гаджиев, 1997). Осваивая и интегрируя в себя главенствующую в социуме политическую культуру, индивид включается в многогранный и динамичный процесс властных отношений. Политическая социализация происходит в процессе формального и неформального политического воспитания и обучения. Неформальное обучение происходит посредством бытового дискурса – в диалогах с родителями, друзьями, знакомыми. Формальное обучение проходит в школах и других учебных заведениях (посредством традиционных жанров педагогического дискурса – лекция, опрос, объяснение и т.п.), в системе политического просвещения (политинформация, методологический семинар, жанры /наглядной агитации). Цель дискурсивной деятельности, которая осуществляет политическую социализацию – принятие (или отвержение) индивидами господствующего социального порядка и его ценностей, что в результате определит их позицию как потенциальных участников процесса борьбы за власть. Функция рекламного дискурса в самом общем виде определяется как влияние посредством информирования для создания мотивации к действию. Данный подход охватывает как коммерческую рекламу (целью которой является возникновение потребности совершить покупку), так и некоммерческую – политическую и социальную рекламу, которая направлена на регулирование ценностных отношений в обществе (а именно формирование определенного «имиджа» общественных деятелей и организаций и побуждение к определенной тактике поведения по отношению к ним). Политической рекламе присущи все основные атрибуты рекламного дискурса: номинация предмет рекламы, указание на его выигрышные характеристики, планирование позитивной ответной реакции (Никитина, 1998). Две основные функции рекламы – информирование и воздействие в

политической рекламе реализуются в жанрах политической пропаганды (публичные выступления, плакаты, дискуссии, доклады) и агитации (листовки, плакаты, воззвания, выступления на митингах, транспаранты) (Jefkins, 1991). Так как пропаганда осуществляется через аргументацию, оперирование фактами, рациональное убеждение и в значительной мере соотносится с педагогическим дискурсом, то агитация действует через эмоциональное внушение, которое является доминирующим типом воздействия в рекламе (Черепанова 1996). Д. Грисвелле подчеркивает некоторые черты характерные для агитационного выступления, которые типичны и для рекламного текста: резкое сужение тематики, упрощенность в употреблении ключевых слов, простых, но выразительных образов, подаче проблемы, постоянное повторение лозунгов, тавтологичность (Grieswelle, 1978). Простота рекламного текста, в частности, проявляется через атрибут в качестве наличия уникального торгового предложения (Reeves, 1961), декларирующего самые выигрышные стороны товара. Американские политические деятели сравнительно давно используют эту технику «рыночно-ориентированной» политической коммуникации на время предвыборных кампаний. Проанализировав новейшие тенденции в политической коммуникации Франции, Ф. Маарек сообщает, что, так же, как Б. Клинтону, которому в 1992 г. его советники рекомендовали ограничить тематику предвыборных выступлений развитием экономики в США, а в 1996 г. – хорошими результатами его первого срока президентства, Ж. Ширак в 1995 г. вступил в предвыборную борьбу с упрощенной политической программой, сконцентрированной на единственной теме – «социальная трещина», которая разделяет французское общество, что позволяет создать «имидж» политика, сильно обеспокоенного проблемами граждан и единством французского общества. Политический и религиозный дискурс сближает построение на внушении, под которым психологи понимают возможность навязывания определенных действий или состояний. По словам

Л.П. Крысина, в религиозно-проповедническом стиле агитационный момент приобретает особое значение (Крысин, 1996). Базовая функция религиозного общения – объединение в вере. Очевидно, что в наибольшей степени это сближает с ней политический дискурс тоталитарного общества, в условиях которого, по мнению В. Вовка, диалог становится ритуалом, а дискурс превращается в состояние «клинического монологизма». Ссылаясь на К. Берка М. Эдельман именовал политическую риторику «светской молитвой» (*secular prayer*). Точка соприкосновения религиозного и политического дискурса – мифологизация сознания, роль лидера-Божества, вера в магию слов, использование приемов манипулятивного воздействия, ритуализация обмена информацией.

Политический язык – это, в первую очередь, язык обещаний. Политические деятели, как и проповедники, обещают своей «пастве» (а именно народу) светлое будущее с царящим в нем миром и всеобщим процветанием. Воспринятые некритичным сознанием и подкрепленные верой в верховенство вождя (царя земного или небесного), всевозможные лозунги становятся значительными вехами политической религии. Исследователи, которые считают, что ритуальный политический язык советского общества имел функцию, схожую с магической, заклинательной функцией языка в первобытных обществах, абсолютно правы (Баранов, 1997; Норман, 1994). Политический дискурс, основанный на мифах, в условиях авторитета вождя подкрепляется соответствующей атрибутикой, схожей с атрибутикой религиозной: гимны, уставы партии, материалы партийных съездов и постановления пересекаются с литургическим творчеством; иконография представлена многочисленными изображениями авторитетов в скульптуре, живописи, пьесах и кинофильмах; таинства съездов, заседаний партийной верхушки, демонстраций и шествий коррелируются с символическими ритуальными действиями. Наличие призывов и лозунгов, так же, как и коллективное исполнение молитв и песнопений, является эффективным

средством создания необходимой языковой реальности. «Через проговаривание специально составленных текстов, к примеру, где ценностно-значимые понятия встречаются чаще всего, можно достичь различных эмоциональных состояний слушателей – от спокойствия до, что бывает гораздо чаще, возбуждения и агрессивности». Бытовому дискурсу присуща преимущественно не информативная, а фатическая коммуникация – общение ради общения, либо между субъектами, которые находятся на одном социальном уровне, либо между незнакомцами или малознакомыми людьми в ситуации вынужденного совместного пребывания. По словам Н.Д. Арутюновой, именно праздноречевая деятельность, не имеющая непосредственной цели и соответствующая разным вариантам фатической коммуникации, может быть распознана как свободное и непринужденное общение людей. Н.Д. Арутюнова подчеркивает три разновидности праздноречевой коммуникации: интеллектуальное, артистическое и эмоциональное (Арутюнова, 1992). Политика играет роль одной из тем праздноречевого интеллектуального общения, в котором участники коммуникации совершенствуют свои умения оценивать то или иное положение дел, ориентироваться в политической жизни, предвидеть ход событий. Можно сказать, что подобное явление имеет весьма косвенное отношение к дискурсу борьбы за власть, но тем не менее, в них происходит формирование политических позиций, мнений, принимаются решения о том, за кого голосовать, поэтому стоит их охарактеризовать как дискурс потенциальных участников политического процесса. Касаясь этой темы, Г. Тард пишет: «В смысле политическом нужно считаться не столько с разговорами и спорами в парламенте, сколько с разговорами и спорами частными. Именно там вырабатывается власть, в то время как в палатах депутатов и в кулуарах власть изнашивается и часто лишается значения. «Политическая роль разговора не менее значительна, нежели лингвистическая. Существует тесная связь между функционированием

разговора и изменениями общественного мнения, от чего зависит переменчивость власти. Если где-нибудь общественное мнение изменяется мало, медленно, остается почти неподвижным, это значит, что разговоры там редки, скромны, вращаются в узком круге сплетен. Если же общественное мнение подвижно, если оно переходит от одной крайности к другой, это значит, что разговоры там часты, смелы, свободны». Фатическое общение перетекает в информативное, в случае, если обсуждение политической ситуации становится главной целью общения, и тогда добрый спор «на кухне», особенно в ситуации подавления иной мысли, перерастает в обсуждение программы действий и, таким образом, становится дискурсом политического участия. Художественный дискурс пересекается с политическим в следующих литературных жанрах: документальная проза, мемуары, памфлет, ироническая поэзия. Также его можно встретить в жанрах креолизованных текстов изобразительного и исполнительского искусства: карикатура, плакат, телепародия, кинофильм. И в некоторых фольклорных жанрах: анекдот, частушки. Базовой функцией художественного дискурса является самовыражение, однако в тех областях художественного дискурса, которые соприкасаются со сферой политики, в той или иной степени присутствует и социальный заказ. Подобные произведения утверждают или разрушают существующие стереотипы, создают или разоблачают социально-политическую мифологизацию, критическое осмысление и интерпретацию прошлого с проекцией в настоящее, а также они выполняют функцию сведения счетов с политическими оппонентами. Мемуары недавно ушедших из политики деятелей или же, наоборот, остающихся у власти, в случае их читательского успеха у массовой аудитории, оказывают некоторое влияние на восприятие образов действующих политиков в обществе. Это может оказать влияние на понижение или повышении их рейтинга и в итоге косвенно повлиять на результаты очередных выборов. Политическая карикатура, пародия,

частушка, анекдот, отличаются актуальностью и иронией, они непосредственно встроены в дискурс настоящей политической жизни и играют роль «сдержек и противовесов» по отношению к официальному дискурсу власти.

Другой канал взаимодействия художественного и политического дискурса – направленное использование официальной пропагандой тех или иных, содержательно не связанных с политикой, произведений литературы и искусства в интересах господствующей идеологии, с целью сформировать определенную ценностную картину мира. К примеру, в нацистской Германии фольклор был использован в виде инструмента внедрения в сознание населения нацистского мировоззрения. Идеологи Третьего рейха исследовали германский фольклор для обоснования теорий «жизненного пространства» и оправдания территориальной экспансии на восток. В перечне произведений для обязательного чтения, которые были рекомендованы национал-социалистической ассоциацией учителей, на первом месте стояли исландские и древнегерманские легенды и героические сказания, саги, рассказы из древней германской истории, немецкие народные сказки и басни, воспитывавшие веру в незыблемость германского порядка и боевой дух германского народа. Можно сказать, что, в отличие от агитации и пропаганды, призванных оказать прямое, непосредственное влияние на политические взгляды и действия, художественный дискурс косвенным образом, посредством эстетического воздействия, служит формированию политического сознания, политических предпочтений и диспозиций. Политический дискурс ставят на одну ступень с момент агональности (состязательности) в спортивно-игровом дискурсе: «Политика всеми своими корнями глубоко уходит в первобытную почву игравшейся в состязании культуры», – высказывается автор классического труда по игровому элементу культуры Й. Хейзинга. Базу политического дискурса составляет постоянный диалог-поединок между «партией власти» и оппозицией, в

котором противники время от времени нападают друг на друга, держат оборону, отражают удары и переходят в наступление. Не случайно метафоры игры, спорта и боевых действий занимают важное место в корпусе политических метафор (Баранов, Караулов, 1991). В политическом дискурсе присутствуют все основные элементы спортивного и игрового состязания: наличие оппонента, борьба соперников, этика этой борьбы, правовые нормы (регламент и правила), тактика и стратегия борьбы, победа, поражение, триумф победителя, приз (выигрыш). С наибольшей очевидностью состязательность политического дискурса проявляется в таких его формах, как парламентские дебаты и предвыборные кампании. Й. Хейзинга сравнивает парламентские дебаты с «бесперывным матчем, в котором определенные матадоры пытаются объявить друг другу шах и мат, не нанося при этом ущерба интересам страны, которой они служат с полной серьезностью». Он выделяет: «Еще более, чем в британском парламентаризме, игровой элемент очевиден в американских политических нравах. Еще задолго до того, как двухпартийная система в Соединенных Штатах приняла характер двух спортивных команд, чье политическое различие для постороннего едва ли уловимо, предвыборная пропаганда здесь полностью вылилась в форму больших национальных игр». Состязание политических соперников имеет заочную форму благодаря СМИ, и его интенсивность имеет резкое возрастание по мере приближения очередных парламентских или президентских выборов. Заочная борьба, которую ведут претенденты на президентский пост в период предвыборной кампании, заканчивается теледебатами – словесным поединком лицом к лицу, исход которого во многом определяют риторическое мастерство оппонентов и другие составляющие их публичного «имиджа». С точки зрения состязательной стороны политического дискурса интерес для исследователей представляют методы распространения не соответствующих действительности порочащих сведений (диффамации) противника, виды

проявления речевой агрессии, риторическая типология демонстрации силы. Война в своем роде является продолжением политики иными средствами. Поэтому политический дискурс неизбежно должен иметь точки соприкосновения с военным дискурсом (Денисова, 1996). К области их соприкосновения относятся следующие жанры: военная доктрина, военно-политическое соглашение, мирные переговоры, ультиматум (жанры, обеспечивающие идеологию и ход военных действий с позиций воюющих сторон).

Получается, что, определяя границы политического дискурса, мы исходим из его обширного понимания и включаем в него как неинституциональные, так и институциональные формы общения, в которых к сфере политики относят хотя бы одну из трех составляющих: субъект, адресат или содержание общения. Полевой подход к анализу структуры политического дискурса дает возможность выявить сферы его соприкосновения с другими разновидностями институционального дискурса (научным, педагогическим, рекламным, религиозным, юридическим, военным, спортивным), а также с неинституциональными формами общения (художественный и бытовой дискурс). Важную роль в состоянии политического дискурса играет дискурс СМИ, являющийся в настоящее время господствующим каналом осуществления политического общения, в связи с чем правомерно упомянуть о тенденции к слиянию политического общения с дискурсом СМИ.

1.2 Структура и системообразующие признаки дискурса системообразующие признаки.

Как и все обособленные языковые системы, дискурсу присуща структура. Прежде всего, стоит выделить цель дискурса. Под целью предполагается результат, именно ради этого результата и совершается коммуникация. Зачастую это является попыткой повлиять на реципиента и склонить его на сторону говорящего. То есть, главным критерием, образующим систему, для того, чтобы выделить этот вид дискурса может быть тематический определитель цели — «борьба за власть» (в зависимости от контекста остальные критерии выделяют его, учитывая жанровое разнообразие). Главной целью, которая конституирует сущность всего политического дискурса и предопределяет его употребление «в качестве инструмента политической власти является борьба за власть, а значит, овладение ею, сохранение, осуществление, стабилизация и перераспределение» (Шейгал, 2000: 35). Позже определяют участников коммуникации. Как считает В. З. Демьянков, общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам — гражданам сообщества — необходимость «политически правильных» действий и/или оценок, поскольку это выгодно тем, кто стремится к власти (Демьянков, 2002: 39). Получается, что дискурс предполагает наличие двух абсолютно разных сторон, являющихся представителями одной или другой социальной группы, которая вступает в коммуникацию и исполняет определенные роли в общении.

Третьей частью является стратегия. Выбор стратегии напрямую зависит от цели и участников общения.

Стратегия на понижение направлена на соперника и стремится развенчать его позиции. Реализуется стратегия через следующие тактики:

1) Тактика анализ-«минус» — рассмотрение, которое основано на фактах, разбор ситуации, предполагающий выражение отрицательного отношения к описываемому, а также — к людям, их действиям и поступкам. При выборе данной тактики говорящий описывает ситуацию, не выражая отрицательного отношения к анализируемым событиям или поступкам индивидов. Поэтому при тактике анализ-«минус» используются языковые средства, с помощью которых отношение говорящего передается имплицитно.

2) Тактика обвинения — приписывание какому-то субъекту какой-либо вины, обнаружение неблагоприятных действий, намерений, качеств обличение виновным в чем-либо, а также раскрытие.

3) Тактика безличного обвинения — обвинение, где виновники осуждаемых действий или поступков не раскрываются, т. е. те субъекты коммуникации, чьи злоупотребления, тайные замыслы и т. д. становятся предметом открытого обсуждения и осуждения. При реализации тактики безличного обвинения коммуникатор либо не указывает на субъект действия, используя для этого соответствующие грамматические конструкции, либо использует дейктические слова, «приложимые к любому референту» (Арутюнова, 1999: 2).

4) Тактика оскорбления — желание унижить, обидеть, уязвить. Данное желание сопровождается экспликацией эмоциональной составляющей оппонента вместо приведения доказательств. При помощи тактики оскорбления в политическом дискурсе происходит вербальная агрессия, которая может быть реализована посредством использования специальных лексических единиц, который обозначается термином «инвектива». В современной науке используются два понимания этого термина. В широком смысле инвектива понимается как «любое резкое выступление, выпад против оппонента». В узком — «вербальное нарушение этического табу, которое

осуществляется неcodифицированными, преимущественно обценными средствами» (Арутюнова, 1999: 134).

5) Тактика угрозы — запугивание, обещание причинить адресату неприятность. Е. И. Шейгал говорит о том, что «в угрозе сила политического противника проявляется через категоричное обещание причинить зло оппоненту и демонстрацию решимости выполнить обещанное» (Шейгал, 1999: 217). В результате анализа данных тактик, которые репрезентируют стратегию на понижение, можно выделить то, что общей чертой для них всех является как эксплицитное, так и имплицитное выражение отрицательного отношения говорящего не только к предмету речи, но и к самому адресату. Стратегия на понижение используется коммуникатором при желании выразить негативный оттенок в своей речи, так как реципиент зачастую выступает в роли политического оппонента. Помимо этого, стоит отметить, что противоборство участников детерминирует активность, которая направлена на овладение коммуникативной инициативой. Получается, что стратегия на понижение реализует установку, состоящую в развенчании притязаний на роль, в блокировании «игры на повышение». В итоге, в действиях данной установки можно отчетливо проследить стремление коммуникатора дискредитировать противника.

А стратегия на повышение употребляется при желании говорящего максимально увеличить значимость собственного статуса.

Стоит говорить о следующих тактиках:

1) Тактика анализ-«плюс» — в основе лежит рассмотрение фактов, разбор ситуации, предполагается имплицитное выражение позитивного отношения говорящего к описываемой ситуации. Можно сказать, что при использовании тактики анализ-«плюс» коммуникатор описывает ситуацию с положительной точки зрения, но не эксплицирует при этом своего позитивного отношения к анализируемым событиям или поступкам субъектов.

2) Тактика презентации — представление кого-либо в привлекательном виде. При использовании данной тактики коммуникатором происходит прямое указание на положительные качества предмета речи, поэтому используются языковые средства, эксплицитно выражающие позитивную психологическую направленность говорящего: лексемы поддерживать, ответственный, решительный, честный. Как положительное качество интерпретируется возраст того, о ком идет речь.

3) Тактика неявной самопрезентации — выраженное косвенно, без прямого указания на предмет позитивного оценивания представление говорящим себя в хорошем и привлекательном, выгодном свете.

4) Тактика отвода критики — приведение с целью доказательства необоснованности аргументов и/или фактов, с помощью которых можно обвинить (оправдать) какие-либо действия и поступки.

5) Тактика самооправдания — отрицание негативных суждений о предмете критики и его причастности к тому, чему дается отрицательная оценка. Во время употребления этой тактики задачей коммуникатора является не отказ от относимости к описываемому событию, а возможность оправдания своего поведения, возможность представить его как более выгодное и правильное решение, чем то, которое навязывает ему противник. Тактика самооправдания основывается на выражении мнения, поэтому является субъективной. Этим она и отличается от тактики отвода критики.

Стратегия театральности — «театральный» подход к ситуации, ее «трактовку в качестве драмы, где люди стараются произвести друг на друга определенное впечатление». По словам Е. И. Шейгал, театральность политического зависит от одной из сторон коммуникации — народа, который играет преимущественно роль не прямого реципиента, а реципиента-наблюдателя, воспринимающего политические события как некое разыгранное для него действие (Шейгал, 2000). Выбор стратегии театральности объясняется в лингвистическом отношении

тем, что выражение обращенности на реципиента получает специальные средства реализации. Перформативные и императивные высказывания являются лидерами среди таких средств. Благодаря их частотности необходим самостоятельный анализ.

Дж. Остин, Ю. Д. Апресян, Т. В. Булыгина исследовали данную проблематику. «В отличие от обычных повествовательных, которые сообщают о чем-то, в частности, (если они содержат глагол 1-го лица) описывают действие или состояние говорящего, иные высказывания не описывают никакого акта (Арутюнова, 1999). В контексте перформативного использования глагола 1-ое лицо дает «самоверифицирующееся высказывание, т. е. высказывание, истинное в силу факта своего произнесения», а при употреблении того же глагола не в 1-ом лице «возникает обыкновенное высказывание, истинное или ложное». В политическом дискурсе подобные употребления частотны, так как невозможно усомниться в истинности действия, которое само конституируется соответствующим речевым актом. Следовательно, наличие в перформативном контексте глагола 1-го лица представляет содержание высказывания как неоспоримый факт. Реципиент имеет все основания считать высказывание истинным. Включение перформативных глаголов в политический дискурс мотивируется желанием говорящего добиться уверенности слушающего в достоверности высказывания.

Контекст 1-го лица и перформативного употребления порождает специальное значение у некоторых модальных глаголов. Например, заявление «Я хочу обратиться к тем, кто, несмотря на все сегодняшние проблемы, всё же ценит то, что удалось обрести за последние годы» Е. Гайдара в своем главном употреблении означает «Я обращаюсь». Буквально сообщается только о желании совершить действие, а фактически говорящий уже совершает действие.

Ввиду вышесказанного, перформативные глаголы в силу своей специфики, с

одной стороны, придают высказыванию истинностное значение, с другой — выражают стремление говорящего к показанию публике убежденности в своей правоте и в своем праве что-либо утверждать.

Стремление «перетянуть» адресата-наблюдателя на свою сторону обуславливает частотное употребление в политическом дискурсе императивных конструкций. Глаголы повелительного наклонения обладают массой оттенков значений: от мольбы и самой вежливой просьбы до категорического приказания и запрета. Наш интерес к иллокутивной функции, которая выражается через императив, обусловлен тем, что именно его функциональные значения являются одним из воздействующих компонентов политического текста. Закономерности использования глаголов повелительного наклонения в политическом дискурсе позволяют говорить о том, что они составляют устойчивый компонент в высказываниях политиков.

1) Тактика побуждения — призыв к какому-либо действию, принятию точки зрения. В результате анализа можно говорить о том, что побуждение очень часто взаимодействует с тактикой самопрезентации и кооперации, что психологически легко объяснить: при побуждении к действию, в котором говорящий является субъектом пользы, он вынужден позиционировать себя с лучшей стороны и обращаться к тем граням личности своего собирательного реципиента, которые объединяют его с коммуникатором.

2) Тактика кооперации — такой способ обращения к адресату, с помощью которого говорящий конструирует образ последнего, апеллируя к идеям и ценностям, носителем которых он (по мнению говорящего) является.

3) Тактика размежевания — выявление различий и несходства в позициях и мнениях.

4) Тактика информирования — приведение данных и фактов, не сопровождаемое выражением отношения говорящего. При реализации данной тактики говорящий ограничивается предоставлением информации, которую аудитория может учесть в процессе при-решения.

5) Тактика обещания — добровольное обязательство сделать что-либо.

6) Тактика прогнозирования — предсказание, суждение о дальнейшем течении, развитии чего-либо на основании интерпретации различных имеющихся данных.

7) Тактика предупреждения — предостережение, предваряющее извещение о возможных событиях, действиях, ситуациях и т. п. Типичный способ введения предупреждения — сложноподчиненное предложения, выражающее условно-следственные отношения. Однако в процессе непосредственного общения под влиянием спонтанности классическая конструкция для выражения условно-следственных отношений: Если..., то... может модифицироваться:

8) Тактика иронизирования — осуществление воздействия за счет контраста между сказанным и подразумеваемым.

9) Тактика провокации — подстрекательство кого-либо к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия. Эта тактика применяется исключительно в прямом диалоге. Провокационное высказывание обычно организуется подобным образом: коммуникатор преподносит его как обращение к слушателям, а не к собеседнику (на это указывают глаголы «призываю», «прошу»); в содержании этого обращения прослеживается призыв игнорировать оппонента («я просто призываю не обращать внимания на них», «я прошу не обращать внимания на них», «посмотрите на них, чтобы после за них не голосовать»); при этом говорящий использует для характеристики последнего оценочную лексику с резко отрицательной экспрессией (когда звучит постоянный бред; больной человек, посмотрите на них, на этих сумасшедших). Следовательно, тактика провокации требует определенной композиционной организации текстового фрагмента. Это может быть как рамочная конструкция, которая оформляет диалог с аудиторией и внутри которой размещается инвектива в адрес политического противника, так и нагнетание экспрессии, которая может

осуществляться в предтексте, с целью поместить в конец собственно оценочные характеристики как акцентно выделенную часть текста.

Выводы по главе 1

Многие исследователи отмечают связь языка и политики, которая развивается в различных парадигмах научного знания. Стоит отметить, что «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере» (Шейгал, 2000: 17), так как дискурсивный подход к сфере политической коммуникации является самым плодотворным для лингвистики. Строгость и однозначность понимания данного феномена отсутствует при анализе существующих подходов к интерпретации понятия дискурса.

Его отличительные черты выступают при сопоставлении разных точек зрения. Дискурс можно рассматривать в связи с использованием языка в процессе коммуникации. Дискурс является, не только порождающим создание текста сложным коммуникативным явлением, но и явлением, отражающим зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстралингвистических обстоятельств - представлений о мире, ценностей, установок и конкретных целей коммуникатора. Дискурс можно охарактеризовать как способ видения мира, который реализуется в самых разнообразных (не только вербальных) практиках, а следовательно, не только отражающий мир, но и проектирующий и создающий его.

Анализ дискурса способствует восстановлению особых фрагментов ментального мира и установлению их специфические особенности. Следовательно, дискурс следует рассматривать как вербализацию определенной ментальности, или такой способ говорения и интерпретирования окружающей действительности, в результате которого не только специфическим образом отражается окружающий мир, но и конструируется особая реальность, создается свой (присущий

определенному социуму) способ видения мира, способ упорядочения действительности, реализуемый в самых разнообразных практиках.

ГЛАВА II. Языковые механизмы манипулятивного воздействия в политическом дискурсе

2.1 Семантические приемы реализации манипулятивного воздействия

Обычно текст устроен таким образом, что наряду со сведениями, которые в нем сообщаются в явной форме, он содержит и такую информацию, которую адресат должен извлечь, пройдя через некую цепочку умозаключений». Другими словами, не вся информация, которую адресат черпает для себя из того или иного высказывания, входит в смысл предложения, т. е. в смысл какого-либо слова или конструкции: некоторые составляющие содержания не заложены в структуре предложения, а понимаются слушающим, исходя из контекста этого предложения. В этом случае большую роль играет импликация смысла, которая появляется вследствие того, что отдельная часть содержания высказывания не получает формального выражения. Исходя из этого, можно утверждать, что информация, передаваемая в процессе речевой деятельности, бывает двух видов:

- 1) Эксплицитная информация.
- 2) ИмPLICITная информация.

Для наименования второго вида информации английский философ Х. Грайс предложил ввести термин “импликатура” (Х. Грайс, 1985).

Имплицатуры делятся на две разновидности:

- 1) Конвенциональные (пресуппозиции).
- 2) Неконвенциональные (имплицатуры общения, или речевые имплицатуры).

Проанализируем подробнее функционирование в дискурсе выделенных семантических компонентов высказывания, а также проведем анализ их

использования сторонами политического дискурса при использовании приемов манипулятивного воздействия. Первым из интересующих нас приемов будет ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию. Исходя из названия этого феномена (конвенциональная импликатура пресуппозиция), пресуппозиции связаны конвенционально, в силу устройства данного языка, с тем или иным словом или синтаксической конструкцией, по этому, они являются конвенциональными компонентами значения слов и грамматических конструкций данного языка, и, тем самым, не являются теми компонентами смысла, возникающими в силу общих законов коммуникации (в отличие от речевых импликатур, речь о которых идет далее). Открытие пресуппозиций принадлежит немецкому ученому Г. Фреге (1892 г.), в дальнейшем в середине XX века (1964 г.) понятие вновь было введено английским философом П.Ф. Стросоном. Суждение P именуют семантической пресуппозицией суждения S , если и из истинности, и из ложности S следует, что P истинно. Высказывание S в ситуации, где ложна его пресуппозиция, аномально. Например, высказывание: Женщина, сидящая за письменным столом, работает за компьютером имеющее пресуппозицию «за письменным столом сидит одна — и только одна — женщина», будет бессодержательно, в случае если за письменным столом никто сидеть не будет.

Исходя из вышесказанного, пресуппозиция выступает компонентом смысла предложения, который должен быть истинным, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное. Необходимо уточнить, что означает семантически аномальное. Для примера рассмотрим следующее высказывание: Семен знает, что столица Англии — Оксфорд. Данное высказывание нельзя назвать истинным или ложным, оно семантически аномально и отлично от следующих высказываний которые можно назвать истинными или ложными: Даниил знает, что столица Англии — Лондон или Даниил не знает, что столица Англии — Лондон. Такие высказывания

являются истинными или ложными в зависимости от уровня знаний Даниила. Поэтому пресуппозицией является такое суждение, которое должно признаваться истинным как автором высказывания, так и его слушателем для того, чтобы высказывание имело смысл. Так, высказывание: Град кончился - осмысленно, в том случае, если признается истинным, что «шел град». Важным отличием пресуппозиций от ассерций является их неподверженность отрицанию: «с семантической точки зрения пропозиция Q является пресуппозицией пропозиции P тогда, и только тогда, когда Q необходимо следует как из P, так и из не P. Это значит, что Q истинно в любом одели, в шторой P либо истинно, либо ложно». (Ср.: отрицательное предложение: Град не закончился - имеет ту же препозицию, что и положительное Град закончился, а именно: «шел град»). Российский лингвист Е. В. Падучева выделяет два вида пресуппозиций (семантическую и прагматическую), понимая под семантической пресуппозицией «отношение между компонентами предложения», а под прагматической — «пропозициональную установку». «Прагматическая пресуппозиция является прагматической в том смысле, что характеристика ее содержания включает отсылку к одной из прагматических составляющих речевого акта — к слушающему: это презумпция о знаниях слушающего» (Арутюнова, Падучева, 2001). Разделяя эти понятия, Е. В. Падучева утверждает, что: «Семантическая пресуппозиция предложения — это, по определению, истинное суждение. А прагматической пресуппозицией может быть неутверждаемое суждение, а именно суждение, имеющее нейтральный денотативный статус». Таким образом вопрос: Это ты разбил блюдце? имеет прагматическую пресуппозицию «кто-то разбил блюдце», а высказывание: Он знает, что я ушел имеет своей пресуппозицией «я ушел», соответственно высказывание: Ему удалось решить эту проблему пресуппозиция «он прилагал усилия». Таким образом, «семантическая пресуппозиция предложения S — это суждение, которое слушающий должен считать

истинным, чтобы предложение S было для него осмысленным; а прагматическая пресуппозиция — это суждение, которое слушающему должно быть известно, чтобы высказывание было нормативным» (Падучева 2001: 58). Так как данная работа не ставит своей целью решение проблем референции, а именно - проблем соотношения высказывания и его частей с действительностью, для нее будет достаточным следующее утверждение: пресуппозиция — это скрытно присутствующая информация, т. е. это такая деталь смысла высказывания, которая не имеет прямого выражения и тем самым восстанавливается адресатом на основе тех умозаключений, которые он формирует в своем сознании с целью адекватного понимания высказывания, опираясь на свой жизненный опыт, знание типичных ситуаций, контекст и т. д.

В (Булыпша, Шмелёв, 1997: 463) приводится следующий пример: в высказывании: Разве вы не знаете, что беспорядки уже прекратились? неявно присутствует информация: были беспорядки. Мысли о том, что беспорядки были, реципиент восстанавливает в своей памяти, опираясь на контекст, в частности, на значение слова уже (поэтому философ Х. Грайс назвал пресуппозиции конвенциональными импликатурами, так как при извлечении смысла реципиент опирается на лексическое значение слова).

Описанные выше свойства представляют пресуппозиции как удобный инструмент языкового воздействия, чем и используются в политическом дискурсе при реализации приема, который Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелёв предлагают называть ассерцией, маскирующейся под пресуппозицию. Суть этого приема заключена в том, что идея, которую необходимо внушить слушателям, подается под видом пресуппозиции (того, что уже и так, само собой разумеется, и доказывать это не нужно).

Вот как этот прием использован в интервью с форвардом «Локомотива-Кубани» Станиславом Ильницким – о предстоящем первом матче финальной серии Еврокубка с «Дарушафакой»: «Нам все равно, как побеждать: будет

счет 62:60 или, может, 85:80». Утверждение о том, что команда в любом случае победит своего соперника, приподносится как информация сама собой разумеющаяся, обсуждение которой не требуется.

Иная разновидность импликатур названных господином Грайсом неконвенционными, или импликатурами общения, используется политическими деятелями для реализации еще одного приема манипулятивного воздействия, называемого воздействием, осуществляемым с помощью речевых импликатур. Для описания принципа работы данного приема необходимо вначале рассмотреть феномен неконвенциональных импликатур. Общеизвестно, что всякое социальное поведение регламентировано сводом правил, и речевая деятельность не составляет исключения. Нормы речевого поведения, хоть и являются частью системы воспитания, больше относятся к кругу молчаливых соглашений между коммуникативно обязанными членами общества. Х. Грайс располагает обширным и систематическим опытом формулирования правил коммуникации, называемый им “принципом кооперации” (принципом коммуникативного сотрудничества) (Грайс, 1985). Главной идеей данного принципа является следующее: “Добивайся взаимопонимания с собеседником”. Другими словами, принцип коммуникативного сотрудничества состоит в требовании вносить вклад в речевое общение соответствующий принятой цели и направлению разговора.

Принцип коммуникативного сотрудничества реализуется в процессе взаимодействия субъектов в диалоге, который регулируется целым рядом правил, формулирующимся в виде постулатов. Данные постулаты — это «общие закономерности общения, которыми бессознательно руководствуются все участники коммуникации, на каком бы языке они ни говорили». Таким образом, Х. Грайс формулирует свой Принцип кооперации ради успеха в диалогическом взаимодействии субъектов в форме четырех постулатов:

- 1) Постулат количества передаваемой информации: Говори столько, сколько необходимо, для того, чтобы тебя поняли;
- 2) Постулат качества передаваемой информации: Говори только то, что ты считаешь истинным;
- 3) Постулат релевантности: Говори только то, что относится к делу;
- 4) Постулат способа передачи информации: Говори четко, однозначно, не сумбурно.

Данные постулаты позволяют адресанту реализовать свое коммуникативное намерение, не используя в своем выражении того, что может быть идентифицировано адресату при помощи этих постулатов из прямого смысла высказывания: «не всё, что слушатель извлекает для себя в том или ином высказывании в контексте речевого акта, входит в собственно смысл предложения, т. е. в смысл какого-то слова или конструкции: некоторые составляющие содержания не заложены в смысле, а восстанавливаются слушателем, притом достаточно однозначно, исходя из контекста и коммуникативных постулатов» (Падучева, 2001).

Постулаты Грайса имеют своей задачей объяснить, каким образом то, что говорящий имеет в виду, может нести в себе нечто большее, чем просто буквальное значение высказывания, как оно может отклоняться от буквального значения, или даже быть противоположным ему. Благодаря постулатам Грайса из сказанного вычленяется такая разновидность имплицитной информации, как имплицатуры общения, или речевые имплицатуры, которые «связаны с лингвистическим содержанием высказывания только косвенным образом. Они действительно выводятся из содержания предложения, но обязаны своим существованием тому факту, что участники речевого акта связаны общей целью коммуникативного сотрудничества». Е. В. Падучева считает, что говорящий эксплуатирует некоторый постулат, если он формулирует свое высказывание таким образом, что слушающий извлекает из него большее содержание, чем в нем

непосредственно выражается, благодаря тому, что Слушающий полагает про Говорящего, что тот соблюдает принцип кооперации (Падучева, 2002). Умозаключения, использующие предположение о кооперативности Говорящего, называются импликатурами. Следовательно, импликатуры — это умозаключения, делаемые Слушающим, принимая во внимание не только сам смысл предложения S, но и то обстоятельство, что Говорящий произнес S в данной ситуации, а также то, что Говорящий не сделал вместо высказывания S другое высказывание S'. При этом используется интуитивно понятное, но не поддающееся однозначному определению понятие «усилие»: S' — это высказывание, требующее меньших затрат усилий, чем S. Другими словами, импликатуры дискурса - создаются не структурой конкретных языков и ее конвенциональными свойствами, а исходят из общих условий успешности коммуникации.

«Импликатуры общения» могут быть также связаны с тем, что на первый взгляд кажется нарушением одного или даже целой группы постулатов общения, так как реципиент, исходя из идеи их соблюдения адресантом, интерпретирует это явное нарушение как целенаправленное намерение дать ему понять какую-либо информацию не используя при этом слов. Прием речевой демагогии, базирующийся на использовании неконвенциональных импликатур, состоит в том, что внушаемое утверждение напрямую не содержится в тексте, но исходит из содержащихся в нем утверждений как импликатура речи.

2.2 Метафора как один из механизмов воздействия в политической коммуникации

Одним из наиболее действенных приемов манипулирования сознанием слушателя является метафора, которая находится под пристальным вниманием ученых уже многие века. На мой взгляд, анализ метафоры как способа реализации манипулятивного воздействия является одним из приоритетных направлений в изучении политического дискурса в целом, так как еще в недостаточной мере исследован тот речемыслительный механизм метафоризации, обеспечивающий Говорящему возможность навязывать Слушающему свою картину видения действительной реальности, а также свою точку зрения в целом. Рассмотрение метафоры как особой формы мышления, не формирующей у реципиента представления об объекте, но предопределяющей способ мышления о нем, сформировался в рамках когнитивной парадигмы. При исследовании метафоры в указанном аспекте исследующий должен анализировать такую ее функцию, как моделирование действительности.

Поэтому в задачи настоящего параграфа входит:

1. Осмысление механизмов метафоризации в когнитивном аспекте;
2. Выявление моделей метафор, использующихся в современном политическом дискурсе;
3. Выявление манипулятивного потенциала метафоры.

Выполнив поставленные задачи, мы сможем рассматривать метафору как с точки зрения создания ей определенной модели действительности, так и с точки зрения исследования воздействия на эмоциональную среду адресата, для усиления которого она использована.

Для начала кратко рассмотрим основные результаты исследования метафоры в когнитивной лингвистике. Х. Ортеги-и-Гассета считает, что «для метафоры нужно, чтобы мы осознавали ее двойственность. Метафора служит

не только наименованию, но и мышлению. Метафора нужна нам не только для того, чтобы, благодаря полученному наименованию, сделать нашу мысль доступной людям; она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли. Метафора не только средство выражения, метафора еще и важное орудие мышления, при помощи которого нам удается достигнуть самых отдаленных участков нашего концептуального поля. Объекты, к нам близкие, легко постигаемые, открывают мысли доступ к далеким и ускользающим от нас понятиям. Метафора удлинняет руку интеллекта» (Ортега-и-Гассет, 1990). Происходит это благодаря тому, что метафора связывает две понятийные сферы, одна из них хорошо структурирована и известна участникам коммуникации (в терминологии А. Б. Ряпосовой, А. П. Чудинова это понятие именуется «сфера-источник», а у Д. Лакоффа, М. Джонсона, И. М. Кобозевой это именуется «область-источник»), а другая сфера («сфера-мишень» – термин употребляемый А. Б. Ряпосовой, А. П. Чудиновым, И. М. Кобозевой, «область-цель» — термин используемый Д. Лакоффом, М. Джонсоном) требует категоризации, объяснения, концептуализации. Сам процесс метафоризации - представляет из себя «концептуальное наложение» (термин Д. Лакоффа, М. Джонсона) одной понятийной сферы на другую: происходит «перенос когнитивной структуры, прототипически связанной с некоторым языковым выражением, из той содержательной области, к которой она исконно принадлежит, в другую область». Таким образом, метафора изначально предполагает некоторое сходство между свойствами сферы-источника и сферы-мишени. «Концептуальная метафора – определяется, как способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника в область-мишень те когнитивные структуры, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику». Исходя из этого, в рамках когнитивной лингвистики метафора начинает пониматься не только как прием изображения, но и как способ мышления.

С другой стороны, ученые утверждают, что метафора моделирует восприятие реальности, из за ее способности выступать в качестве механизма, который отвечает за осуществление восприятия реципиентом окружающей действительности. Данная идея находит свое воплощение в работе Д. Лакоффа и М. Джонна, которые считают, что истоки языковой метафоры связаны с особенностями человеческого мышления и мировосприятия, закономерностями возникновения метафорических образов и понятий, как в общечеловеческом плане, так и в отношении мировидения определенной языковой культуры (Лакофф, Джонсон, 1987). Как утверждают ученые, «наши понятия упорядочивают воспринимаемую нами реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми... И если... наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наши мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» (Лакофф, Джонсон, 1987)

Созидательные свойства и когнитивный потенциал метафоры обеспечивают пространство для ее использования в манипулятивных целях. Другими словами, когда адресант использует определенную метафорическую модель, он способен создать выгодную для него картину мира в сознании адресата. Именно это и объясняет актуальность изучения метафоры в когнитивном аспекте при исследовании в области политического дискурса. Как отмечалось ранее, большинство ученых (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, Е. О. Опарина и др.), признавая власть метафоры и власть слова в общественно-политической традиции в целом, отмечали ее способность влиять на сознание слушателя. Именно метафора, благодаря своим механизмам, основанным на сходстве признаков известных реалий, уже названных в языке, и реалий называемых, позволяет заменить или изменить модель мира, имеющуюся в голове реципиента, на ту, которую целенаправленно и с выгодой для себя строит политический деятель.

Отражая в метафоре свое личное мировосприятие, говорящий выражает его, используя определенную метафорическую модель. Так, воспринимая окружающую действительность негативно, политический деятель использует, к примеру, метафору болезни, смерти: язвы современной цивилизации (Б. Говорин), политическое самоубийство (О. Морозов), чума современного мира (Г. Зюганов), намереваясь таким образом создать в сознании слушателя соответствующую картину действительности выгодную говорящему. Такой процесс метафорического построения модели мира ученые (в частности, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов) предлагают характеризовать через описание, классификацию и анализ активно используемых в дискурсе метафорических моделей (термин из (Баранов 1997), (Санцевич 2002) с учетом их частотности и продуктивности функционирования. Для современного политического дискурса характерно многообразие концептуальных метафор, отражающих окружающую действительность современного мира. В современном политическом дискурсе существуют несколько основных видов метафор, которые подразделяются на следующие модели:

1) Антропоморфная модель: При исследовании этого разряда метафор анализируются понятийные сферы «Человек», «Болезнь», «Семья». В этом случае человек моделирует политическую реальность сквозь призму своего повседневного образа жизни.

2) Социальная модель. При рассмотрении данной модели, исследуются такие понятийные сферы, как: «Преступность», «Война», «Армия», «Игра», «Театр», «Спорт».

3) Модель природы. Метафорическими источниками при рассмотрении модели природы служат следующие понятийные сферы: «Животный мир», «Мир растений», «Мир неживой природы», т. е. политическая действительность моделируется в умах слушателей в концептах мира окружающей природы.

4) Модель «Пути/дороги». В данной модели анализируется понятийная сфера «Путь/дорога» как отражение концептов, связанных с развитием, движением. При использовании данной модели, политические деятели часто выделяют для слушателя, какой путь развития должен считаться правильным, а какой ложным.

5) Артефактная модель. При исследовании артефактной модели затрагиваются такие понятийные сферы, как: «Дом/строение», «Быт», «Механизм». Политические реалии в артефактной модели представляются как предметы, созданные трудом человека, иными словами на первое место ставятся достижения и свершения человека и общества в целом.

Теперь рассмотрим каждую модель более подробно.

Антропоморфная модель: Метафора персонификации в теории метафоры обычно характеризуется как базисная, лежащая в основе присущего человеку способа постижения окружающего мира. Модель общество – это человек – в большей степени употребляемая метафорическая модель, это объясняется ее изначальной антропоморфностью образующейся у человека при моделировании картины мира: человек осмысляет действительность, исходя из собственных представлений о соотношении личности и окружающего мира, где в центре этого мира он ставит себя. Антропоморфная модель строится на сопоставлении общества и человеческого организма.

Метафора болезни.

Широкое распространение в агитационно-политической речи конца XX века получила метафорическая модель государство - это больной организм. В результате использования данной метафорической модели общество в сознании слушателя представляется как больной организм, подверженный язвам современной цивилизации (Б. Говорин). Метафора болезни помогает политикам ярко и емко охарактеризовывать политическую и экономическую ситуацию, сложившуюся в стране:

Барак Обама: The problem with a spending freeze is you're using a hatchet where you need a *scalpel* – Проблема с замораживанием расходов состоит в том, что там, где нужен скальпель, используют топор.

Дональд Трамп: As we discussed earlier, at the very top of the list is *health care* reform. With Obamacare, the Washington obstructionists, meaning Democrats, made big promising to the American people. And every single promise they made turned out to be a lie. *You can have your doctor. You can have your plan.* Do you remember? 28 times. *You can have your doctor. You can have your plan.* I know Democrats who heard that and they would have never have voted for it but they voted for it because they believed the lies of President Obama. For seven years every Republican running for office promised to repeal and *replace* in *disastrous* law. Now they must keep their promise. The Senate is working not only to repeal Obamacare but to deliver *great health care* for the American people. Any senator who votes against repeal and *replace* is telling America that they are *fine* with the Obamacare nightmare, and I predict they'll have *a lot of problems*. In West Virginia, recent premiums have gone up 169% since Obamacare went into effect. In Alaska over 200%. And the deductibles have gone through the roof. You'll never even get to use it. In Missouri, premiums have shot up 145% under Obamacare. In Pennsylvania the cost of Obamacare insurance has more than doubled, and the coverage has become *horrific*. It's time for Democrats to stop *resisting*. That's their term. *Resist. Resist.* - Как мы обсуждали ранее, в самом верху списка есть реформа здравоохранения. С Obamacare, обструкционисты Вашингтона, то есть демократы, сделали большие обещания американскому народу. И каждое обещание, которое они сделали, оказалось ложью. У вас будет врач. Вам назначат лечение. Вы помните? 28 раз. У вас будет врач. Вам назначат лечение. Я знаю демократов, которые слышали это, и они никогда бы не голосовали за него, но они голосовали за него, потому что они верили в ложь президента Обамы. В течение семи лет каждый республиканец, баллотировавшийся на должность, обещал отменить и заменить этот

ужасный закон. Теперь они должны сдержать свое обещание. Сенат работает не только над отменой Obamacare, но и над оказанием полномасштабной медицинской помощи американскому народу. Любой сенатор, который голосует против отмены и замены, говорит Америке, что их устраивает кошмар вызванный Obamacare, и я предсказываю, что у них будет много проблем. В Западной Вирджинии последние страховые премии выросли на 169% с тех пор, как Obamacare вступил в силу. На Аляске более 200%. И франшизы прошли через крышу. Вы никогда не сможете его использовать. В Миссури премии премиум-класса выросли на 145% под Obamacare. В Пенсильвании стоимость страхования Obamacare увеличилась более чем в два раза, и охват стал ужасным. Пришло время, когда демократы перестанут сопротивляться. Это их термин. Сопротивляться. Сопротивляться.

Как можно заметить политики при употреблении метафоры болезни умело применяют термины которые используются в медицине, и большинство этих терминов носит негативный характер описывающий болезнь самыми ужасными из них, что помогает создать в умах слушателей тревогу и скорейшее желание покончить с болезнью поразившей организм общества.

Метафорическая модель болезни широко представлена в языке. Сценарий этой модели включает в себя различные стадии болезни:

- 1) Стадию заболевания
- 2) Стадию выздоровления

При использовании метафор болезни, политический деятель создает в умах слушателей некую угрозу заболевания, чем соответственно провоцирует ответную реакцию в виде поиска защиты от болезни/заболевания. Если речь идет об улучшении здравоохранения в обществе/ улучшения благосостояния нации/ оздоровлении политической системы, то на подсознательном уровне у слушателя политик выступает в

качестве врача, который всегда готов прийти на помощь и который всегда знает, как искоренить болезнь, где бы она не находилась.

Социальная модель. Данная модель состоит из пяти основных метафорических моделей, основанных на понятийных аспектах, относящихся к социальной сфере: криминальная метафора, военная метафора, театральная метафора, метафора игры и метафора спорта.

Криминальная метафора

Данная метафорическая модель основана на ассоциативной связи общества с преступным миром:

Джон Маккейн: I know what *fear* feels like. It's a *thief* in the night who *robs* your strength. I know what *hopelessness* feels like. It's an *enemy* who *defeats* your *will* – Я знаю, что такое страх. Это ночной вор, который крадет вашу силу. Я знаю, что такое безнадежность. Это враг, который сокрушает вашу волю.

Дональд Трамп: We are *dismantling* and *destroying* the *bloodthirsty criminal gangs*, and well, I will just tell you in, we're not doing it in a politicly correct fashion. We're doing it rough. Our guys are rougher than their guys. I asked one of our great generals, "how tough are our people? How tough are they?" He said, "sir, you don't want to know about it." Then I saw one guy come out, a customs *officer* who is a *monster*. I said, "so general, you think i could take that guy in a *fight*?" He said, "Mr. President, sir i don't even want to think about it." I said "you're right, actually." We have tough people. Our people are tougher than their people. Our people are tougher and stronger and *meaner* and smarter than the *gangs*. One by one we are finding the *illegal gang* members, *drug dealers*, *thieves*, *robbers*, *criminals* and *killers*. And we are sending them the *hell* back home where they came from. And once they are gone, we will never let them back in. Believe me. – Мы разрушаем и уничтожаем кровожадные преступные группировки, я просто скажу вам, что мы не делаем это политически корректно. Мы делаем

это жестко. Наши парни жестче чем их парни. Я спросил одного из наших великих генералов: «Насколько крепки наши парни? И насколько их парни?» Мне ответили: « Господин Президент, Сэр вы не захотите слышать об этом ». Затем я увидел выходявшего парня, он был офицером таможни и он выглядел как монстр. Я сказал « Генерал, вы думаете, я могу взять этого парня в бой? ». Он ответил «Господин Президент, Сэр я даже не хочу об этом думать». На что я ответил «И вы будете совершенно правы». У нас жесткие парни. Наши парни жестче, чем их парни. Наши парни жестче, сильнее, злее и умнее чем эти бандиты. Одного за одним мы находим этих членов преступных группировок, наркодиллеров, воров, грабителей, преступников и убийц. И мы отправляем их обратно в ад, откуда они и пришли. И когда мы их туда отправляем, мы уже не позволяем им вернуться. Поверьте мне.

В результате использования криминальных метафор в голове у слушателя создается негативная модель действительности, которую строит говорящий, тем самым вызывая у слушателя тревогу, страх и недовольство. Но с другой стороны, при умелом ее использовании говорящий также создает образ защитника, носителя высшего блага, надежной опоры перед лицом преступности, которая вызывает безоговорочное доверие у слушателя, чем умело пользуется нынешний президент США Дональд Трамп. В своей речи он умело пользуется криминальными метафорами, которыми он сначала вызывает тревогу у слушателя, а затем также легко убеждает последнего в своей силе, и силе правоохранительных органов, которые буквально уничтожают все криминальные элементы, чем и вызывает одобрение и поддержку своей власти.

Милитаристическая метафора.

Известный нам мир на протяжении всего своего существования насчитывает сотни войн и военных конфликтов между людьми, и этот богатый военный опыт человечества не мог не отразиться в языке каждого народа в метафорических образах. Милитаристическая метафора является

одной из самых древних и до сих пор одной из самых популярных и общеупотребительных среди других метафор.

Милитаризация общественного сознания происходит при помощи употребления политическими деятелями соответствующей лексики:

Рональд Рейган : Above all, we must realize that no *arsenal* or no *weapon* in the *arsenals* of the world is so formidable as the will and moral *courage* of *free* men and women. It is a *weapon* our *adversaries* in today's world do not have. It is a *weapon* that we as Americans do have. Let that be understood by those who practice *terrorism* and prey upon their neighbors.- Прежде всего, мы должны понимать, что ни один арсенал, ни оружие в арсеналах мира настолько велики, как воля и мужество свободных мужчин и женщин. Это оружие, которого у наших противников в сегодняшнем мире нет. Это оружие, которым обладаем мы, Американцы. Пусть это понимают те, кто практикует терроризм и терзает своих соседей.

Дональд Трамп: Is there any place that's more fun, more exciting and *safer* than a Trump *rally*? Where the *hell* did he come from? This has been a difficult week for the media because I *forced* them to travel with us all around the country and spend time with tens of thousands of proud Americans who believe in *defending* our values, our culture, our *borders*, our *civilization*, and our great American way of life. - Есть ли такое место, где веселее, увлекательнее и безопаснее, чем в компании Трампа? Откуда он черт возьми взялся? Это была тяжелая неделя для журналистов, ведь я заставил их ездить с нами по всей стране и проводить время с десятками тысяч гордых Американцев которые верят в защиту наших ценностей, нашей культуры, наших границ, нашей цивилизации и нашего великого Американского стиля жизни.

Дональд Трамп : We celebrate our *military* and believe the American *armed forces* are the *greatest force* for *peace* and *justice* in the history of the world, and by the way, they're getting a lot greater fast. A lot greater. You saw our budget. We are ordering billions and billions of dollars of new ships and new

planes and equipment for our great *soldiers*, we are building it up. There's rarely been a time where we needed the *protection* of our incredible *military* more than right now, right here, and that's what we're going to do. We believe in freedom, self-government, and individual rights. – Мы празднуем день вооруженных сил и верим, что Американские вооруженные силы являются сильнейшими за всю историю мира и лучшими для поддержания мира и установления правосудия, и кстати говоря, они становятся лучше с великой скоростью. Намного лучше. Вы видели наш бюджет, мы тратим миллиарды долларов на новые военные корабли, самолеты, оснащение для наших великих солдат. Редко случались времена, когда бы мы так сильно нуждались в защите нашей могущественной армии больше чем сейчас и мы этим активно занимаемся. Мы верим в свободу, самоуправление и личные права.

На фоне вооруженного конфликта в Сирии использование Трампом милитаризированной лексики косвенно причисляет слушателя в качестве непосредственного участника этого конфликта, и Трамп благодаря умелому использованию милитаризированных метафор выступает перед слушателем в качестве надежной опоры, неким щитом, который укрывает избирателя от угрозы терроризма исходящей с востока. Употребление военизированной лексики на фоне военного конфликта в Сирии помогает Трампу создать ситуацию безоговорочного принятия его позиции слушателем, который выступает в роли солдата-подчиненного.

Военизирование общественного диалога связано в значительной мере с милитаризацией сознания общественности на фоне надвигающихся либо уже происходящих конфликтов, поэтому использование моделей армии и войны ведет к целенаправленному ограничению возможности принятия решения адресатом на подсознательном уровне.

Метафора игры

Говорящий при использовании метафоры игры моделирует в сознании слушателя политическую действительность таким образом, чтобы последний

воспринимал ее как игру, в которой он является непосредственным участником:

Барак Обама: And we have shown that our economy doesn't have to be a zero-sum game.- И мы показали, что наша экономика не должна быть игрой с нулевой суммой.

Барак Обама: ...the laid-off factory worker; the waitress or health care worker who's just barely getting by and struggling to pay the bills — convinced that the game is fixed against them, that their government only serves the interests of the powerful — that's a recipe for more cynicism and polarization in our politics.- ... уволенный рабочий завода; официантка или работник здравоохранения, которые едва успевают оплатить счета, и убеждены, что правила игры придуманы против них, что их правительство служит интересам могущественных - это рецепт для еще большего цинизма и поляризации в нашей политике.

Не реальная игровая модель окружающей действительности выражает особенности хода мыслей говорящего, для которого окружающий мир — азартная игра. Изображая реальность как игру, политик не только сам предстает активным ее участником, но и вовлекает в нее слушателя, тем самым донося информацию до слушателя в наиболее простой форме. Слушатель воспринимает политическую действительность как игру и как в любой игре в ней есть свои правила, на что политик и делает акцент, выставляя своего оппонента как человека, не соблюдающего правила игры, что на подсознательном уровне вызывает у слушателя негатив к оппоненту говорящего.

Театральная метафора

В рамках американского предвыборного дискурса негативно окрашенные метафорические словоупотребления данного типа могут выражать деструктивную критику несостоятельных, по мнению адресанта, идей оппонента:

Джон Маккейн: *With that, my friend, let me make way for my opponent who, tonight, is making a comedy debut that ... Now a copy of the Senator's comedy routine was left on the table this evening.* На этом, мой друг, позволь мне уступить сцену своему оппоненту, у которого сегодня комедийный дебют ... Сегодня вечером мне на стол положили копию комедийной программы сенатора.

При использовании модели окружающий мир — это театр, политическая ситуация метафорически осмысливается как зрелищное представление, относящееся к различным видам и жанрам искусства, которые интегрируются в театральном искусстве, поэтому данная метафорическая модель репрезентирует несколько концептов: «театр», «кино», «литература», «цирк». Прагматический потенциал этой модели определяется искусственностью, ненатуральностью, ирреальностью того, что принадлежит сфере - источнику. Популярность театральной модели объясняется не только зрелищностью, игровой основой, но и особенностями ментальности русского человека, который, как отмечает О. Н. Григорьева, «считает несправедливую жизнь обманом, иллюзией, спектаклем» (Григорьева, 2001: 47). Эту точку зрения поддерживает А. П. Чудинов, утверждая, что «прагматический потенциал этой метафорической модели определяется ярким концептуальным вектором неискренности, искусственности, ненатуральности, имитации реальности: субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания» (Чудинов 2001: 97). Исходя из этого, можно сделать вывод, что в политическом дискурсе театральная метафора создает в сознании адресата присущую ей нереальную модель происходящего, что не позволяет воспринимать оппонента политика в качестве профессионала.

Метафора спорта

Данная метафорическая модель рассматривает жизнь общества как спортивное состязание, а политиков - как спортсменов.

В ходе проведенного мной анализа речей зарубежных политических деятелей, я выявил огромную продуктивность спортивной метафоры в рамках предвыборного политического дискурса. Частое употребление спортивных метафор характерно для английского и американского политического дискурса.

Дональд Трамп: Our country is in serious trouble. We don't have *victories* anymore. We used to have *victories*, but we don't have them. When was the last time anybody saw us *beating*, let's say, China in a trade deal? They *kill* us. I *beat* China all the time. All the time.- У нашей страны серьезные проблемы. У нас больше нет побед. Раньше у нас были победы, но теперь их нет. Когда в последний раз кто-то видел, как мы побеждали, скажем, Китай в торговой сделке? Они убивают нас. Я все время побеждал Китай. Все время.

Джордж Буш Младший: After the Declaration of Independence was signed, Virginia statesman John Page wrote to Thomas Jefferson: ``We know the *race* is not to the *swift* nor the *battle* to the *strong*.- После подписания Декларации независимости государственный деятель штата Вирджиния Джон Пэйдж обратился к Томасу Джефферсону: «Мы знаем, что гонка создана не для быстрых, а битва не для сильных».

При использовании модели спорта, политическая деятельность рассматривается как своего рода состязание, в котором необходимы строгие правила и дух соперничества, где успех в значительной степени строится на силе кандидатов. Основной чертой метафорической модели спорта является наличие «соревновательности», «борьбы». В данной модели в отличие от военной или криминалистической отсутствует жесточенность и в меньшей мере присутствует негативный коннотат. Модель спорта довольно специфичная, так как для ее осознания у слушателя должны присутствовать

особые знания о спорте. В силу употребления политиками специальной спортивной лексики, которая понятна далеко не каждому слушателю, спортивная метафора не получила широкого распространения.

Модель природы

Высокий процент употребления и обширные возможности для использования метафорической модели природы, обуславливается тем, что в человеческом сознании, издавна заложена связь с миром природы.

Зооморфная метафора

Политическая жизнь в данной метафорической модели отображена в образах животного мира. В современном политическом дискурсе зооморфная метафора носит исключительно негативный характер. Зооморфную метафору используют, для создания тревоги и чувства опасности в сознании слушателя, так как человечеству еще с древнейших времен знаком страх перед жуткими, кровожадными зверьми, которыми в современном мире описывают преступников и террористов.

Джозеф Байден: What about the people who don't invest in homes, but live in them? There's an important distinction between the *predators* and the *preyed upon*. – Что насчет людей, не инвестирующих в дома, а живущих в них? Это важное разграничение между хищниками и их добычей.

Дональд Трамп: The *predators* and criminal aliens who poison our communities with drugs and *prey* on innocent young people, these beautiful, beautiful, innocent young people, will find no safe haven anywhere in our country. And you've seen the stories about some of these *animals*. They don't want to use guns, because it's too fast and it's not painful enough. So they'll take a young, beautiful girl, 16, 15, and others and they slice them and dice them with a knife because they want them to go through excruciating pain before they die. And these are the *animals* that we've been *protecting* for so long. - Хищники и приезжие преступники, которые отравляют наши общины наркотиками и охотятся на невинных молодых людей, эти прекрасные, красивые, невинные молодые

люди, не найдут нигде убежища в нашей стране. И вы видели рассказы о некоторых из этих животных. Они не хотят использовать оружие, потому что это слишком быстро, и это недостаточно болезненно. Таким образом, они возьмут молодую, красивую девушку, 16, 15 годов и других, и они режут их и бросают в них ножом, потому что они хотят, чтобы они прошли через мучительную боль, прежде чем они умрут. И это животные, которых мы так долго защищали.

Отрицательная оценка действительности в большинстве случаев приобретает гиперболизированный характер, проявляющийся в употреблении соответствующей лексики и использования прилагательных с максимально отрицательным значением. Все эти приемы создают у слушателя ассоциативную связь действительности с жестоким и агрессивным миром зверей, что в свою очередь помогает политическому деятелю при использовании зооморфных метафор создать образ охотника, который истребит хищников покушающихся на жизнь мирных, невинных граждан.

Фитоморфная метафора.

Метафорическая модель, основываясь на символическом значении, создает ассоциативную связь общества с миром растений. Политическая жизнь представляется, как процесс роста растения, результатом деятельности являются плоды, отдельные явления представляют собой части растения. Политический деятель при употреблении в своих обращениях фитоморфных метафор создает в головах слушателей образ некоего садовода, который сопоставляет уход за садом управлению государством, в котором роль сорняка играют все негативные элементы политики, экономики или общественной жизни, все эти негативные элементы мешают государству, а следовательно и обществу нормально расти и развиваться подобно растению, и использование таких метафор как «Вырвать с корнем, пресечь на корню» вызывает в голове слушателя некое подобие эстетического удовольствия от удаления сорняка (проблемы). Частотность употребления фитоморфной

метафоры, по сравнению с другими рассмотренными нами типами метафор, в том числе зооморфной, в исследованных мной текстах значительно ниже:

Барак Обама: The Middle East is going through a transformation that will play out for a generation, *rooted* in conflicts that date back millennia.- Ближний Восток переживает трансформацию, которая будет развиваться в течение целого поколения, укорененного в конфликтах, которые датируются тысячелетиями.

Барак Обама: We just need to call them what they are - killers and fanatics who have to be *rooted out*, hunted down, and destroyed.- Нам просто нужно называть их такими, какие они есть - убийцы и фанатики, которых нужно искоренить, выследить и уничтожить.

Джордж Буш Старший : The totalitarian era is passing, its old ideas blown away like *leaves* from an *ancient, lifeless tree*. Тоталитарная эра проходит, ее старые идеи уносит ветром, как листья древнего, безжизненного дерева.

Метафора неживой природы

Данная метафорическая модель отображает окружающую политическую действительность при помощи картины природы, используя ее для создания у слушателя ассоциативной связи с реальным миром, посредством использования метафор связанных с природными явлениями (климат) а также с объектами неживой природы (ландшафт). Структурируя в сознании слушателя абстрактный мир природы, адресант дает свою оценку действительности, используя коннотативные компоненты метафоры. Для осмысления процессов, явлений и участников политической, экономической, социальной и духовной жизни общества широко используются метафоры неживой природы:

Барак Обама: John McCain has ridden shotgun as George Bush has driven our economy toward a *cliff*, and now he wants to take the wheel and step on the gas. – Джон Маккейн был на месте рядом с водителем, когда Джордж Буш

вёл нашу экономику к обрыву, а теперь он хочет пересесть за руль и нажать на газ.

Джордж Буш Старший : I come before you and assume the Presidency at a moment rich with promise. We live in a peaceful, prosperous time, but we can make it better. For a new breeze is blowing, and a world refreshed by freedom seems reborn; for in man's heart, if not in fact, the day of the dictator is over. A new breeze is blowing, and a nation refreshed by freedom stands ready to push on. There is new ground to be broken, and new action to be taken. There are times when the future seems thick as a fog; you sit and wait, hoping the mists will lift and reveal the right path. - Я предстаю перед Вами и принимаю Президентский пост в этот многообещающий момент. Мы живем в мирное, процветающее время, но мы можем сделать его лучше. Ибо подул новый ветер, и мир, освеженный свободой, кажется возрожденным; ибо в сердце человека, если не на самом деле, день диктатора окончен. Дует новый ветер, и нация, освеженная свободой, готова продвигаться вперед. Есть новые высоты, которые нужно преодолеть и новые действия, которые нужно предпринять. Бывают времена, когда будущее кажется непроглядным, как туман; вы сидите и ждете, надеясь, что туман рассеется и покажет правильный путь.

Модель пути/дороги

Метафорическая модель «Пути/Дороги» представляет собой фиксации определенных порожденных природой человека естественных видов опыта термин и выполняет важную функцию отражения и формирования языковой картины мира его носителей и является одной из универсалий мировой культуры. Высокая частота употребления данной метафорической модели обусловлена сутью человеческой природы, для которой характерно движение к идеалам и жажда новых свершений.

Барак Обама: So in this election, we face a choice. We can continue down the path we've been traveling. – Итак, на этих выборах нам предстоит выбор. Мы можем продолжить спускаться по тропинке, по которой шли.

Субъектами данной метафорической модели являются не только политические деятели или их партии но и страна в целом.

Джордж Буш Старший: There are times when the future seems thick as a fog; you sit and wait, hoping the mists will lift and reveal the right path.- Бывают времена, когда будущее кажется непроглядным, как туман; вы сидите и ждете, надеясь, что туман рассеется и покажет правильный путь.

Джордж Буш Старший: The old solution, the old way, was to think that public money alone could end these problems. – Это было старомодно думать и надеяться, что только государственные деньги могут положить конец этим проблемам. По справедливому замечанию К. И. Алексеева, метафора пути / дороги ориентирует на поэтапность, постепенность реализации выдвигаемых программ и достижения намеченных целей, предостерегает о возможности препятствий, почти неизбежно возникающих при прохождении пути (Алексеев, 2000: 144).

Артефактная модель

Общим местом стал тезис о том, что человек реализует себя в создаваемых им вещах — артефактах. Из всего многообразия понятийных сфер, отражающих результаты интеллектуального и физического труда, остановимся на описании сфер «Дом/строение», «Механизм».

Артефактная метафорическая модель, как показал анализ текстов предвыборного политического дискурса США, достаточно широко применима и обладает высоким потенциалом метафорической экспансии и широким спектром эмотивной окрашенности.

Метафора дома/строения

Дом является важнейшей составляющей человеческого быта, и данная составляющая плотно укоренилась в сознании каждого человека. В модели дом/строение политик представляет общество как дом, а процессы происходящие внутри дома, такие как: построение или разрушение здания или его элементов представляются как процессы происходящие в

общественной жизни или жизни государства. Метафоризация общественных реалий является одним из наиболее традиционных процессов для политического дискурса. Как отмечает в своей работе А. П. Чудинов, понятийная сфера «дом» обладает всеми необходимыми условиями для метафорической экспансии. Нельзя отрицать тот факт, что эта сфера хорошо знакома каждому человеку, поэтому она детально структурирована. Кроме того, «она имеет высокий эмоциональный потенциал: отчий дом, родительский дом, собственный дом, домочадцы, семейный очаг, семейный быт, обустройство дома и даже домашние животные — все эти понятия способны пробуждать добрые чувства» (Вершинина, 2001). Дом — это основная, наиболее естественная сфера существования человека. Поэтому если политический деятель желает побудить слушателя к действию, он при использовании данной метафоры намеренно создает в сознании слушателя образ опасности грязящей дому или его обитателям.

Дональд Трамп: And that is why my administration is launching a nationwide crackdown on sanctuary cities. American cities should be sanctuaries for law-abiding Americans, for people that look up to the law, for people that respect the law, not for criminals and gang members that we want the hell out of our country. Sanctuary cities legislation has passed the house, along with Kate's Law, named for Kate Steinle, who was brutally killed by a five-time deported illegal immigrant. - Именно поэтому моя администрация начинает общенациональную борьбу с городами-убежищами. Американские города должны быть святилищами для законопослушных Американцев, для людей, которые соблюдают закон, для людей, которые уважают закон, а не для преступников и членов банд, которые должны убраться из нашей страны. Законодательство о городах-убежищах прошло вместе с Законом Кейт, названным в честь Кейт Штайнл, которая была жестоко убита пятикратным депортированным незаконным иммигрантом.

Джордж Буш Старший: But this is a time when the future seems a door you can walk right through into a room called tomorrow. Great nations of the world are moving toward democracy through the door to freedom. Men and women of the world move toward free markets through the door to prosperity. The people of the world agitate for free expression and free thought through the door to the moral and intellectual satisfactions that only liberty allows.- Но это время, когда будущее кажется дверью, вы можете пройти прямо в комнату, называемой завтрашним днем. Великие народы мира движутся к демократии через дверь к свободе. Мужчины и женщины мира движутся к свободным рынкам через дверь к процветанию. Люди всего мира волнуются за свободу слова и свободу мысли через дверь к моральному и интеллектуальному удовлетворению, которое допускает только свобода.

Исходя из вышеописанного примера следует вывод, что Трамп используя метафоры дома, активизирует в умах избирателей ассоциативную связь происходящего внутри страны с ситуацией которую слушатель хотел бы/ не хотел бы чтобы произошла внутри своего дома. Избиратель, как и любой здравомыслящий человек не желает видеть в своем окружении преступность, а желает видеть торжество закона и безопасности, чем пользуется Трамп в своих предвыборных обещаниях, критикуя политику, которая породила ситуацию с беззаконием и укрывательством незаконных эмигрантов в городах.

Метафора механизма

Данная метафорическая модель представляет общество как единый механизм, который работает или выходит из строя. Употребление метафор этой модели может вести к двоякому осмыслению общества: с одной стороны, это отлаженный, четко работающий государственный механизм; с другой стороны, это бездумная государственная машина, где человек превращается в винтик. Но есть еще и третье осмысление: сам говорящий превращается в механизм, мотор, работа: В рассмотренных нами текстах

президентского предвыборного дискурса метафоры с исходной понятийной сферой «Механизм» характеризуются относительно невысокой частотностью и достаточно широкой денотативной областью, охватывающей, в том числе, современные адресату и предполагаемые им будущие состояния, процессы и явления политической и экономической жизни:

Барак Обама: That is why I will keep working to shut down the prison at Guantanamo: it's expensive, it's unnecessary, and it only serves as a recruitment brochure for our enemies.- Вот почему я буду продолжать работать, чтобы закрыть тюрьму в Гуантанамо: это дорого, это не нужно, и это служит лишь брошюрой для вербовщиков наших врагов.

Барак Обама: ... the American people know this country is on the wrong track, and you know that we need new leadership ... (12 сентября 2008 г). – ...Американский народ знает, что наша страна находится на неправильном пути и вы знаете, что нам нужно новое руководство...

Барак Обама: That's our approach to conflicts like Syria, where we're partnering with local forces and leading international efforts to help that broken society pursue a lasting peace.- Это наш подход к таким конфликтам, как конфликт в Сирии, где мы сотрудничаем с местными силами и ведущими международными усилиями, чтобы помочь сломанному обществу добиться прочного мира.

Барак Обама: Most of all, democracy breaks down when the average person feels their voice doesn't matter; that the system is rigged in favor of the rich or the powerful or some narrow interest.- Больше всего демократия ломается, когда среднестатистический человек чувствует, что его голос не имеет значения; что система сфальсифицирована в пользу богатых или могущественных или узких интересов.

Джордж Буш Старший: For the first time in this century, for the first time in perhaps all history, man does not have to invent a system by which to live.-

Впервые в этом столетии, впервые за всю историю, человеку не нужно изобретать систему, с помощью которой можно жить.

Выводы по главе 2

Манипуляция – это способ психологического воздействия, направленного на побуждение слушателя к совершению определенных говорящим действий, в результате скрытого внедрения в психику объекта намерений, целей, отношений, желаний, установок, координально отличающихся от тех, которые слушатель смог бы сформировать сам.

Проведенный мною анализ метафор, отобранных с помощью метода сплошной выборки из общего списка рассмотренных источников, позволил выявить и дать характеристику метафорическим моделям, часто применяемым в условиях современного политического дискурса. Исследование современного политического дискурса сквозь призму метафоры, позволяет выявить тот факт, что концептуализация мира, проводимая в дискурсе представителями различных партий, существенно отличается. Из всего вышеперечисленного мы знаем, что метафора формирует не только представление об объекте, но и способ мышления о нем, этим и обуславливается ее роль в качестве одного из основных средств реализации манипулятивного воздействия в политическом дискурсе.

Наибольшее распространение из всех манипулятивных приемов получили те, которые приподносят слушателю неявную информацию, не получающую прямого выражения в высказывании. Ассерция маскирующаяся под пресуппозицию, а также использование имплицатур являются наиболее эффективными способами для внушения реципиенту той модели действительности, которая выгодна говорящему. Благодаря дискурс-анализу, появляется возможность реконструирования ментальной составляющей и выделения манипулятивных приемов являющихся основой для данного вида дискурса.

В политическом дискурсе большую роль играют метафоры, чем обусловлено их широкое использование в речи политических деятелей, как

современности, так и прошлых лет. По частотности использования на сегодняшний день лидируют метафоры игры, спорта, милитаризирующие метафоры, криминальные метафоры. Также можно отметить то, что каждому отдельному историческому периоду соответствует своя частотность употребления тех или иных метафор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как известно, общий облик науки определяется системой установок. В середине 90-х годов в лингвистике таких установок было выделено четыре: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм, экспланаторность. В начале двадцать первого века, каждая из упомянутых тенденций приняла более четкую форму. Сейчас, как утверждает Е. С. Кубрякова, «проявляется еще одна тенденция – объединение парадигм знания». Язык изучается «не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе».

Развитие вышеупомянутых тенденций объясняется увеличением интереса к политическому дискурсу, охватывающего все больше областей научного знания. Тем не менее, у исследователей до сих пор не сформировалось целостное представление о феномене политического дискурса и дискурса в целом. Решению данной проблемы могут поспособствовать научные работы, посвященные анализу конкретных аспектов дискурса. Анализ одного из таких аспектов, как раз и представлен в данной работе. Осмысление феномена дискурса в аспекте его когнитивной организации дает возможность охарактеризовать его через понятия ментального пространства, понимаемого как совокупность концептов, каждый из которых структурируется фреймом; актуализация определенного набора слотов фрейма обеспечивается действием когнитивного сценария. Способ структурирования концепта определяет отбор языковых средств, выражающих позицию говорящего.

Исходя из вышеописанного, можно выделить то, что в центре нашего понимания стоит представление о дискурсе как способе словесного отражения ментальной составляющей. Как описывалось ранее – Борьба за

власть является основой политической деятельности, именно в ходе данной борьбы между политическими деятелями реализуются способы ментального манипулятивного воздействия на целевую аудиторию, которой каждый из субъектов пытается навязать свою точку мировоззрения на окружающую действительность. Выбор политиком стратегии во многом зависит от его изначального намерения: выбор стратегии на повышение или понижение состоит в стремлении максимально увеличить свою значимость в глазах аудитории либо максимально уменьшить таковую у своего политического оппонента. Для привлечения сторонников говорящий использует обширный репертуар тактик, обслуживающих стратегию театральности.

Одним из результатов проведенного мной анализа является установление ряда признаков, присутствие которых позволяет расценивать речевое действие как манипулятивное и тем самым определить феномен манипуляции как особый вид психологического воздействия, характеризующийся установкой на скрытое внедрение в психику объекта желаний, целей, намерений, не совпадающих с теми, которые слушающий смог бы сформировать самостоятельно. Языковые средства манипулятивного воздействия представлены в политическом дискурсе единицами лексических, морфологических и синтаксических уровней. Проведенный мной анализ фактического материала помог выявить и охарактеризовать языковые средства, обладающие высоким манипулятивным потенциалом.

В качестве перспектив данного исследования мной видятся изучение специфических особенностей, присущих отдельным видам политического дискурса, что может позволить не только устанавливать принадлежность адресанта к определенному виду политического дискурса, но и также предугадывать его речевое поведение как представителя определенного вида дискурса. Мною видится, что дальнейшее изучение политического дискурса как области для реализации манипулятивного воздействия, внесет определенный вклад в понятие феномена дискурса как словесного отражения

определенного мировоззрения, тем самым расширив уже сложившуюся систему антропоцентрических представлений о языке.

Список использованной литературы

1. Абельсон, Р. П. Структуры убеждений. Язык и моделирование социального взаимодействия / Р.П. Абельсон. – М.: Правда, 1987. – 380 с.
2. Алексеев, К И. Метафора в естественном языке и научной теории. Интент-анализ политического интервью: Сб. статей под ред. Т. Н. Ушаковой. М.: Ре-фал-бук, 2001. – 240 с.
3. Алексеева, И. Ю. О понятии как форме представления знаний / И.Ю. Алексеева. – Философские исследования. 1999. № 1.
4. Аллен, Дж. Ф., Перро Р. Выявление коммуникативного намерения, содержащегося в высказывании / Дж. Ф. Аллен. – М.: Правда НЗЛ. Вып. XVII, 1986. 400 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 260 с.
6. Арутюнова, И. Д., Падучева, Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики [Текст] / И.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева. – НЗЛ «Прагматика». Вып. 16. М.: Прогресс, 1985. – 400 с.
7. Аскольдов, С. А. Концепт и слово. Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. / С.А. Аскольдов. – Антология. М., 1997. – 340 с.
8. Базылев, В. Я. Конфликтные ситуации в сфере политико-правовой коммуникации / В.Я. Базылев. – Юрислингвистика – 2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, АГУ, 2000 (б). – 250 с.
9. Базылев, В. Я. Политический «театр» и «театральная» политика / В.Я. Базылев. – Политический дискурс – 4. Материалы рабочего совещания-семинара. М.: Диалог — МГУ, 2000 (в). 90 с.
10. Баранов, А. Я, Добровольский, Д. О., Михайлов, М. Я. Интерпретации «национальной идеи» в политическом дискурсе / А.Я.

Баранов, Д.О. Добровольский, М.Я. Михайлов. – Россия в поисках идеи. Анализ прессы. М.: Статут, 1997. – 290 с.

11. Баранов, А. Я, Караулов, Ю. Я. Русская политическая метафора: Материалы к словарю / А.Я. Баранов, Ю.Я. Караулов. – М.: Ин-т Рус. яз. АН СССР, 1991 230 с.

12. Барт, Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. / Р. Барт. – М.: Просвещение, 1994 (а). – 190 с.

13. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Пер. с фр. 3-е изд. М.: Книжный дом, 2009. – 220 с.

14. Бессонов, Б. Я. Пропаганда и манипуляция. Реклама: внушение и манипуляция. / Б.Я. Бессонов. – М.: Просвещение 2001. – 800 с.

15. Блакар, Р. Язык как инструмент социальной власти. Язык и моделирование социального взаимодействия. / Р. Блакар. – М.: Правда 1987. – 300 с.

16. Блэк, М. Метафора. Теория метафоры. / М. Блэк. – М.: Прогресс, 1990. – 240 с.

17. Болинджер, Д. Истина — проблема лингвистическая. Язык и моделирование социального взаимодействия. / Д. Болинджер. – М.: Прогресс, 1987. – 210 с.

18. Быкова, О. Н. К вопросу о языковом манипулировании в средствах массовой информации. Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. / О.Н. Быкова. – Научно-методический бюллетень Красноярского госуниверситета. Вып. 6. Красноярск Ачинск, 1998. – 130 с.

19. Васильев, А. Д. Слово в телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. / А. Д. Васильев. – Красноярск, 2000. – 187 с.

20. Вебер, М. Политика как призвание и как профессия / М. Вебер. – М.: Правда, 1990. – 325 с.

21. Вершинина, Т. С. Политическая метафора: Ю. Лужков, А. Проханов, В. Жириновский / Под ред. А. П. Чудинова // Т.С. Вершинина. – Екатеринбург, 2001. – 448 с.

22. Воркачѳв, С.Г. Основания лингвоконцептологии / Аспекты метакоммуникативной деятельности. Теоретическая и прикладная лингвистика. // С.Г. Воркачѳв. – Воронеж: Межвузовский сборник научных трудов, 2002. – 395 с.

23. Воркачѳв, С. Г., Кусов Г. В. Концепт «оскорбление» и его этимологическая память / Язык и социальная среда // С.Г. Воркачѳв, Г.В. Кусов. – Воронеж: Теоретическая и прикладная лингвистика, 2000. – 287 с.

24. Ворожбитова, А. А., Киян Е. А. Советское языковое сознание как ментальная диглоссия лингвориторического характера / А.А. Ворожбитова, Е.А. Киян. – Воронеж: Языковая структура, 2000. – 387 с.

25. Гаджиев, К.С. Введение в политическую науку / К.С. Гаджиев. – М.: Логос, 1997. – 544 с.

26. Герасименко, Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе (к вопросу о функционировании бисубстантивных предложений) / Под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева / Н.А. Герасименко. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – 231 с.

27. Костенко, Н.В. Ценности и символы в массовой коммуникации / Н.В. Костенко – Киев: Наук. думка, 1993. – 329 с.

28. Мониц, Ю.В. Проблемы этимологии и семантика ритуализованных действий / Ю.В. Мониц. – М.: Вопросы языкознания. 1998. – 420 с.

29. Москвин, В.П. Эвфемизмы в лексической системе современного русского языка / В.П. Москвин. – Волгоград: Перемена, 1999. – 48 с.

30. Шейгал, Е.И. Язык и власть [Текст] / Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики / Е.И. Шейгал. – Волгоград: Перемена, 1999. – 438 с.

31. Шелестюк, Е.В. О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) / Е.В. Шелестюк. – М.: Вопросы языкознания.– 1997. – 225 с.

Электронные ресурсы

32. The official blog of Fox News Channel. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://foxnewsinsider.com/> – (Дата обращения: 13.11.2017).

33. Архив речей президента Барака Обамы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://obamaspeeches.com/> – (Дата обращения: 23.11.2017).

34. The Washington Post. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.washingtonpost.com – (Дата обращения: 09.11.2017).

35. Historic Speeches of the American Presidents. [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.presidentialrhetoric.com – (Дата обращения: 09.11.2017).